

Судьбы людские

По партийному приказу из Москвы – в Сибирь, в Искру

Недавно в Искровскую сельскую администрацию пришла посылка от жителя Москвы Всеволода Крупецкого. В сопроводительном письме он рассказал, что его бабушка и дедушка в 1930-х годах участвовали в становлении совхоза «Искра», а посылка содержала написанные бабушкой мемуары, об «искровском» периоде жизни семьи Прощицких.

«Иосиф Правдин»

Автором мемуаров стала бабушка отправителя – Варвара Сергеевна Прощицкая. Писала она их в 1989 году от руки, и теперь эти воспоминания собраны в большую папку, заполненную листами рукописного текста и фотографиями героев её рассказа. Но центральной фигурой здесь является её супруг – Пинхос Соломонович (Павел Семёнович) Прощицкий, которого в тексте она называет просто Пина.

Родился Пинхос Соломонович в 1901 году в Минске в еврейской семье, где помимо него подрастало ещё 2 сына. Глава семьи, Соломон Хаймович, получил бухгалтерское образование и работал по специальности на небольшом предприятии. Почти все заработанные средства они с супругой тратили на учёбу сыновей в частной школе.

Средний, Пина, то и дело выкидывал разные фортели, а однажды и вовсе удрал из дома. Полиция сняла их с

приятелем с поезда только в Саратове. Конечно же, он ждал от родителей неотвратимого наказания, но те встретили его со слезами радости. Этот случай, как пишет Варвара Сергеевна, очень изменил мальчишку, и за короткий срок он стал одним из лучших учеников школы.

Но вскоре грянула Первая мировая война, а вслед за ней – Октябрьская революция и гражданская война. Минск оказался захвачен сначала немцами, потом – поляками. Старший сын Прощицких Файтель стал членом Минской партийной организации и создал группу подпольщиков, занимающуюся разведывательной деятельностью в пользу Красной Армии. Вступил в эту группу и Пинхос, а после гибели старшего брата возглавил её под партийным псевдонимом «Иосиф Правдин».

Только в 1920 году Минск был полностью освобожден, и здесь окончательно утвердилась Советская власть. Пинхос Прощицкий продолжил партийную работу, а спустя время был отправлен на учёбу в Москву в коммунистический университет имени Якова Свердлова.

По окончании курса Пинхоса Прощицкого направили в Ташкент, где он в течение 3-х лет преподавал общественные дисциплины в военно-политической школе Туркестанского фронта. После вернулся в Москву, выдержал экзамен в экономический институт и стал аспирантом, но при этом совмещал учёбу с преподаванием на курсах марксизма-ленинизма. В это время он и встретил свою будущую жену Варвару Сергеевну Михайловскую.

Партийный приказ: «В Искру»

В начале 1930-х годов Советский Союз начал всеобщую коллективизацию. Форсированное проведение таковой и массовое раскулачивание крестьян привели к резкому снижению сельскохозяйственного производства. В условиях социально-экономического кризиса принимается решение о создании по всей стране при совхозах и МТС политотделов в составе начальника, заместителя по партийно-массовой работе, заместителя по ОГПУ (с 1934 года - НКВД), помощника по комсомолу, редактора многотиражной газеты и сотрудника по работе с женщинами. Главной их задачей было усилить влияние компартии в деревнях, содействовать их организационно-хозяйственному укреплению.

Весной 1933 года назначение на должность начальника политотдела в совхозе «Искра» Крутинского района Омской области получил и Пинхос Соломонович Прощицкий.

Как повествует энциклопедия Омской области, истоки образования села Искра уходят в начало прошлого века. В 1920 году в 26-ти километрах восточнее станции Мангут появилась деревня Шаманай, а в 3-х километрах от нее, вблизи озера, ещё одно селение. В 1930 году они объединились в одно село, которое было названо в честь первой революционной газеты «Искра». Село стало центром созданного совхоза, который также был назван «Искра». В начале 1960-х годов территория Искровского сельского поселения была передана из Крутинского района в состав Называевского района.

Но вернемся к нашему герою. В июне 1933 года поезд привез семью Прощицких на станцию Мангут, откуда они на попутной машине добрались до нового места жительства.

- Предложили нам поселиться в скромном домике, так называемом пятистеннике, - вспоминала в своих записях Варвара Сергеевна. - Одна половина дома выполняла роль комнаты, другая - с русской печью - кухни. Позже глава семьи пристроил к дому сени с крылечком и чулан.

Какова тогда была обстановка в совхозе? Внешне это был скучнейший посёлок. Ряд невзрачных домишек, кругом ни деревьев, ни огородов. А хозяйство в таком состоянии, что можно было только печалиться. Тем более, незадолго до нашего приезда директор совхоза стащил совхозную кассу, прихватил паспорта завербованных рабочих и скрылся в неизвестном направлении. Но моему супругу Пине повезло в том, что взамен прислали нового, очень порядочного и делового человека из крестьян по фамилии Кривоносов. Вместе им предстояло поднять хозяйство и вывести его на передовые позиции.

Пина сразу же развил бурную деятельность, где-то достал типографские шрифты и всё для печати, и у нас в совхозе скоро начала выходить небольшая многотиражка. Наборщиком стал помощник печника, которого звали Лёнька. Он был из семьи раскулаченных. А таких семей в совхозе было немало. Пинхос был внимателен ко всем, стремился улучшить их быт и питание, что было, конечно, непросто.

Совхоз меняется

В своих записях Варвара Сергеевна отмечала, что во время жизни в Сибири она очень мало видела мужа.

- После того, как мы приехали, чуть ли не в тот же день Пина исчез, - писала она. - Они вместе с Кривоносовым не вылезали из конторы, а потом из бригад, некоторые из которых находились в 25 километрах от центральной усадьбы. При них было какое-то жилье, где люди и обитали во время работы. Пинхос поначалу не имел никакого понятия ни о полеводческом хозяйстве, ни о животноводстве. Но он говорил мне, что не должен был дать почувствовать другим этого. В итоге за год он так освоился в делах, что мог сойти за дипломированного агронома или зоотехника.

Когда мы приехали в село, в совхозе имелся только один небольшой трактор «Фордзон». А через несколько лет в совхозе был уже настоящий машинно-тракторный парк - 40 тракторов советского производства. С появлением первых тракторов Пина организовал курсы трактористов. Учились и рабочие, и сами Пина с Кривоносовым. Оба тоже, как и остальные, держали экзамен и получили удостоверения трактористов.

На центральной усадьбе совхоза была школа на 3 класса. Потом по разнарядке прислали учителей, что позволило набрать в школу ещё детей. Интересно, что одним из учителей был юноша Борис Аполлонов, мать которого по национальности являлась француженкой.

Село расширялось, увеличивались производственные показатели, и мы уже подумывали, что наша командировка подходит к концу.

Каток репрессий

Грянул страшный 1937 год. Год повсеместных репрессий, эхо которого пронеслось и по судьбе Пинхоса Соломоновича Прощицкого.

- Когда покатила по Западной Сибири волна арестов, то многие люди приняли это как сигнал к сведению счётов, - писала Варвара Сергеевна. - Вот и один из искровских руководителей стал строчить доносы на моего мужа. А в НКВД таких писем только и ждали. Но так как все-таки нужны были какие-то факты для обвинения во вредительстве, пришлось ему написать, что в поле сгорел большой стог сена, а виноват в поджоге Прощицкий. Остальные «факты» энкеведешники сами откопали в его личном деле. Было оно слишком насыщено различной партийной работой и взаимодействием с массой людей, ряд которых в последствии был признан «врагами народа».

Приехали в совхоз несколько человек из Омска, устроили партийное собрание и потребовали исключить Пинхоса из партии. Но на его защиту встали все члены партийной организации совхоза: «воевали» почти до утра, но не дали лишить мужа партийного билета.

Через какое-то время приехали ещё люди из Омского обкома партии. Подъехали к дому, показали документы и потребовали у супруга сдать партийный билет и оружие. Также ему объявили, что он снят с работы и не имеет права общаться с односельчанами и покидать место жительства.

Как выяснилось позднее, уже был выписан и ордер на арест мужа. Но один из его

старых партийных товарищей, служивший в НКВД, сумел воспользоваться царившей в то время сумятицей и уничтожить его. Потому Пинхоса и не арестовали. Сначала он отправил меня с детьми в Москву, а спустя некоторое время и сам вернулся в столицу.

В Москве я сразу же написала письмо в Центральный Комитет партии, где описала произошедшую ситуацию и рассказала о том, как за короткий период супруг вместе с руководством совхоза сумел сделать хозяйство высокорентабельным. Ответ пришёл быстро: дали указание для разбора дела, и в итоге через некоторое время Пину восстановили в партии. А в газете «Омская правда» было опубликовано сообщение о его реабилитации.

Последний год в Сибири

Но вместе с реабилитацией последовал и новый приказ: семье Процицких предстояло вновь вернуться в село Искра и отработать там не менее года.

- За время отсутствия для нас в селе построили хороший домик, - вспоминала Варвара Сергеевна. - Соседи принесли часть наших оставленных вещей, но некоторые так и не вернули. И снова жизнь покатила по накатанной полосе, так что год пролетел незаметно.

Провожать нас собралось почти все село. Я даже не слышала, кто и что говорил. Но люди помогли нам погрузить чемоданы, а потом подняли Пину на руки и понесли к саням. Посадили нас, укутали полностью, а женщины на сани наложили гостинцев. Таковы были проводы в декабре 1939 года после 6 лет жизни в совхозе с горестями и радостями.

Боевой путь

Но в Москве Процицкие задержались ненадолго. Грянула Великая Отечественная война. Пинхос Соломонович ушёл в ополчение, а Варвара Семеновна с детьми отправилась в эвакуацию.

- Первые письма муж присылал из Подмосковья, - вспоминала Варвара Сергеевна. - Писал, что его назначили на должность политрука в 1287-м полку 4-й Московской стрелковой дивизии. Боевое крещение он получил уже в сентябре 1941-го года, когда дивизия держала оборону у озера Селигер в районе деревни Заречье. С кем бы из его однополчан я не разговаривала после войны, все твердили, что Пинхос всегда был храбрым, не боялся идти вперед. И орден Красной Звезды, который он получил в январе 1942-го года, тому подтверждение. Кстати, эта награда спасла ему жизнь. Осколки разорвавшегося снаряда попали в орден, изрядно отбили эмаль, а ведь могли бы пронзить его грудь.

Все 4 года Пинхос Соломонович провёл на фронтах Великой Отечественной войны. А закончилась она для него в Кенигсберге, где находилась в тот момент 84-я Гвардейская стрелковая дивизия, в которой он был заместителем начальника политотдела и имел звание гвардии майора.

Закат

После демобилизации с фронта Пинхоса Соломоновича Процицкого, учитывая его большой стаж политической и идеологической работы, откомандировали в политотдел Союза писателей. Затем был перевод в отдел пропаганды Гостелерадио. Одновременно с этим он вёл преподавательскую работу в Московском институте прикладного и декоративного искусства.

Но в 1953 году каток политических репрессий чуть было снова не прошёл по семье Процицких. Тогда в Советском Союзе началась «борьба с космополитами», к

которым были приравнены и евреям. Пинхоса Прошицкого снова исключили из партии, уволили с работы. Он неминуемо ждал ареста, но... Неожиданно умер Сталин, волна репрессий остановилась.

Пинхос Прошицкий вновь вернулся к работе, но пережитые события сказались на здоровье. Он перенес несколько инфарктов, и последний стал для него роковым. Он ушёл из жизни в 1959 году. Его прах захоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Вот такой человек с очень богатой биографией принимал участие в становлении села Искра Называевского района.

Материал подготовила

Наталья Гладышева.

Газета «Наша Искра», С 6 по 11 декабря 2021 года